ББК Ю516 + Ю518
УДК 130.121.4

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НОВОГО В КОНТЕКСТАХ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ. ЯЗЫКОВАЯ ТКАНЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СТРАТИФИКАЦИИ СМЫСЛОВ

А.А. Дыдров

Данная статья представляет собой философскую рефлексию над понятием нового. Определение данного понятия отсутствует даже в ведущих философских энциклопедических изданиях, а между тем в языковую ткань прочно вплетены такие понятия, как «новизна», «инновация», «новаторство» и т.д. Преодолеть данный смысловой коллапс можно посредством внедрения в языковые структуры древности, когда слова уже представляют собой дифференциации значений

Ключевые слова: новое, состояние, первенство, новизна, семиотика, язык, семантика

Новое и новизна – два слова, интегрированных в различные языки (new, neu, nova, mpya, yeni, naujas, nuwe и т.д.); человек, использующий эти понятия, нуждается в применении майевтики. Дефиниция нового и новизны как слов, лексем – это не более чем указание на форму и принадлежность. Слово «новый» окружено аналогами из родственных языков и языковых симбиотических образований – сербохорватского, украинского, чешского,

польского. Нередко подчеркивается аналогия между древне-прусским «nauns» и «jauns». Последнее слово означает «юный», однако не следует поспешно утверждать то, что речь должна вестись об отождествлении нового и юного. Аналогия, как известно, сама по себе не является основанием для возникновения тождества, а тем более – аналогия не есть тождество.

В одном из древнейших языков – санскрите – «n`ava» означает, по-видимому, и «молодой», и «новый». Более того, слово «n`ava» переводится с санскрита и как «свежий». Идентичное написание – «n`ava» – и у количественного числительного «девять». Слово начинает встраиваться в ряд с иными лексемами, у которых в отношениях, вполне вероятно, имеется своя логика. Словарь санскрита иллюстрирует интеграцию языковой единицы в не вполне определенную группу иных единиц: akṣuṇa – не только «новый», но и «целый», «невредимый». Ahata – «небитый», taruṇa – «только что взошедший», «росток», «побег», «нежный», pratyagra – «первый», но и «повторенный», «возобновленный».

Представленных значений вполне достаточно для того, чтобы осознать широту поля смыслов. Среди этой множественности значений можно обнаружить значения, тяготеющие друг к другу, образующие своего рода сгустки смыслов. Одним из таких сгустков является устойчивая связь слова с природными явлениями – изменениями Луны (taruṇa – «растущий») и восходом солнца (taruṇa – «только что взошедший», pratyagra – «первый»). «Первый» – вовсе не беспредметное числительное, а источник света, луч, которым знаменуется восход. Это, по-видимому, тот луч, которым солнце впервые за день озаряет землю, луч, являющийся предвестником урожая, погона скота, вообще труда и жизни. Слово taruṇa фиксирует восприятие человеком мира как длительности, становления, потока интенсивностей, ощущение мира как движущегося (или движимого). «Taruna» – зафиксированный «здесь и сейчас», схваченный и остановленный миг, мгновение, изъятое мыслью и кадрированное. Хотя слово и употребляется по отношению к светилу, taruṇa заставляет обратить внимание уже не на рядоположенность, не на последовательность единиц, а на схватывание мгновения. «Только что» – и есть кадрирование, воспроизведение мгновенно утраченного настоящего, иными словами – продление жизни прошлого.

Другой сгусток смысла образуют те переводы ранее обозначенных слов, что указывают на состояние. Состоянием является молодость (не случайно, вероятно, антиподом «нового», как и «молодого», является «старый»). Нельзя отрицать того, что в слове «молодость» фиксируется осознание человеком времени, длительности и движения. Но, несмотря на это, молодость, как и старость, – состояние, средоточие сложившихся признаков, атрибутов, свойств, средоточие относительно устойчивых черт. Молодость – понятие, включающее в себя как фенотипические и физиологические признаки (состояние мягких тканей и органов, оптимальность функционирования системы кровообращения и т.д.), так и психосоциальные

черты (молодость как феномен социального бытия человека не существует без и вне оценки Другим). В первом случае молодость – предмет исследования медиков, физиологов, анатомов, во втором – психологов, психиатров, философов, социологов и т. д. Ahata – уже не «растущий», а росток, побег, в общем, то, что следовало бы именовать состоявшейся молодостью, или «состоянием». Конечно, молодость располагается на линии времени, фактически образуя отрезок, длина которого варьируется в зависимости от состояния тела и духа, в зависимости от социальных норм, являющихся результатом деятельности коллектива, сообщества. Росток или побег – это не абстрактная, а конкретная, предметная молодость.

Итак, опираясь на образуемые тканью санскрита смысловые сгустки, следует уверенно говорить о том, что новый – это состояние (и как состояние новое коррелирует с молодостью), первенство в последовательности, длительности, импульс движения, prima-единица в ряду (calendae – не только один из многочисленных дней, но и знак первенства, даровавший жизнь «календарю»). Новый – это и кадрированный миг, ставший прошлым, но охватывающий перцептивное поле. В некотором смысле кадрированный мир – это сохраненное «недавнее» прошлое, настолько «недавнее», что еще не вытеснено мыслью, более того – еще занимает центральное место и пока не испытывает угрозы со стороны иного мгновения (на этом смысловом узле нового преимущественно и концентрируют внимание мыслители-эмпирики).

На первый взгляд, особняком располагаются переводы слова «pratyagra» – «возобновленный», «повторенный». В латинском языке, по-видимому, устойчивость связи новизны и повторения была нарушена: повторный (произошедший второй раз) – repeti, repetitur. Ясно, откуда берет свое начало слово «репетитор» и то, каковы, согласно этимологии, функции учителя-репетитора. То слово, что указывает на повторение бывшего, на воспроизведение «того же» (iterum), никак не связано со словом «новый» морфологически. Напротив, в группе восточнославянских языков слово «снова» («вновь») прижилось и обозначает «повторение с начала». Новый – не только возникший впервые или занявший первую позицию в том или ином ряду, но и возникший опять. В определенном смысле слово «снова», ели признать его синонимию слову «повторение» («pratyagra»), является и фиксатором бытия, и фиксатором перцепции. Для того или иного события характерно то, что оно уже возникало в прошлом, оно было и возникает вновь. Значение зрения еще с древности очевидно – зрение позволяет обнаружить в предметах множество различий. Следует указать и на то, что рецепторы (терминали, чувствительные нейроны, нейроглия, межклеточное вещество и т. д.) обеспечивают превращение раздражителя в нервный импульс, а идентификация раздражителей сопровождается не только фиксацией различий, но и сходств. Обнаружение сходства – это процесс, не позволяющий миру ополчиться на человека. В языковой еди-

нице «pratyagra», вероятно, концентрируется и гностический компонент. Момент схватывания реальности происходит всякий раз тогда, когда человек сопоставляет прошлое и настоящее, утверждая о том, что «нечто было и возникло опять». Даже если относительно позиции объективности вывод поспешен и де-факто действительность не была схвачена, произошла псевдофиксация. Псевдофиксация, вне сомнения, провоцирует и поддерживает состояние эйфории. Слово «новый», сообразно третьему из выделенных сгустков значения, фиксирует нечто, второй раз вторгающееся в перцептивное поле субъекта.